

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ "АвтоВАЗ" и "Комбинат "Североникель", обществ с ограниченной ответственностью "Верность", "Вита-Плюс" и "Невско-Балтийская транспортная компания", товарищества с ограниченной ответственностью "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А.Д.Чулкова

город Москва

27 апреля 2001 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя М.В.Баглая, судей Н.С.Бондаря, Н.В.Витрука, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, В.Д.Зорькина, А.Л.Кононова, В.О.Лучина, Т.Г.Морщаковой, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

с участием представителей ОАО "АвтоВАЗ" - адвоката Р.А.Абдрашикова и доктора юридических наук В.А.Якушина, представителей ОАО "Комбинат "Североникель" - кандидатов юридических наук Р.И.Ахметшина и С.Г.Пепеляева, представителя гражданина А.Д.Чулкова и ООО "Верность" - адвоката М.В.Сохач, представителя ООО "Вита-Плюс" - генерального директора М.В.Савенкова, представителей ООО "Невско-Балтийская транспортная компания" - генерального директора В.И.Волкова и адвоката Б.Н.Карху, представителей ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" - генерального директора Ю.П.Кутемова и кандидата юридических наук А.В.Брызгалина, а также постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации В.В.Лазарева и представителя Совета Федерации - кандидата юридических наук М.В.Степаненко,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, статьями 36, 74, 86, 96, 97, 99, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились запрос Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобы открытых акционерных обществ "АвтоВАЗ" и "Комбинат "Североникель", обществ с ограниченной ответственностью "Верность", "Вита-Плюс" и "Невско-Балтийская транспортная компания", товарищества с ограниченной ответственностью "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А.Д.Чулкова, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в которых оспаривается конституционность положений статьи 24, части шестой статьи 231 во взаимосвязи со статьей 230, пунктом 6 статьи 291 и абзацем четвертым статьи 320, а также части второй статьи 247, статьи 273 и части первой статьи 279 Таможенного кодекса Российской Федерации.

Поскольку указанные положения касаются одного и того же предмета, а именно оснований и условий применения ответственности за нарушение таможенных правил, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по всем обращениям в одном

производстве.

Заслушав сообщение судей-докладчиков Н.С.Бондаря и Г.А.Жилина, объяснения представителей сторон, заключения экспертов - доктора юридических наук Б.И.Пугинского и кандидата юридических наук Д.И.Черкаева, выступления приглашенных в заседание представителей: от Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации - судьи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.И.Чистякова, от Государственного таможенного комитета Российской Федерации Г.В.Баландиной и В.Н.Новикова, от Генеральной прокуратуры Российской Федерации - Н.Г.Хилькова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. ОАО "АвтоВАЗ", ОАО "Комбинат "Североникель", ООО "Верность", ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданин А.Д.Чулков, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, оспаривают конституционность части шестой статьи 231 Таможенного кодекса Российской Федерации, согласно которой предприятия, учреждения и организации, а также лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, могут быть привлечены к ответственности за нарушение таможенных правил, за исключением случаев, когда правонарушение произошло вследствие действия непреодолимой силы.

Кроме того, ООО "Верность" просит проверить конституционность статьи 230, пункта 6 статьи 291 и абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации, ОАО "АвтоВАЗ" - абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации, предприниматель А.Д.Чулков - статьи 230 Таможенного кодекса Российской Федерации, поскольку полагают, что содержащимися в них нормами подтверждается неконституционность части шестой статьи 231 Таможенного кодекса Российской Федерации: статья 230 признает нарушением таможенных правил противоправное действие или бездействие, не определяя его как виновное; пункт 6 статьи 291 относит к обстоятельствам, исключающим производство по делу о нарушении таможенных правил предприятием, учреждением, организацией или лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, лишь случаи, когда правонарушение произошло вследствие действия непреодолимой силы; абзац четвертый статьи 320 устанавливает, что при производстве по делу о нарушении таможенных правил предприятием, учреждением, организацией или лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, подлежит доказыванию сам факт совершения правонарушения, при том что применительно к физическому лицу и должностному лицу необходимо устанавливать и их виновность.

Указанные положения были применены при привлечении заявителей к ответственности за нарушение таможенных правил: ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" - за недостоверное декларирование вывозимого медного концентрата (статья 279 Таможенного кодекса Российской Федерации), которое имело место вследствие того, что в сертификате химического состава на содержание драгоценных металлов и акте экспертизы содержались неверные сведения; ОАО "АвтоВАЗ", ООО "Верность" и гражданина А.Д.Чулкова, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, - за несвоевременное зачисление валютной выручки от экспорта на счет в уполномоченном банке (статья 273 Таможенного кодекса Российской Федерации), которое было вызвано в отношении ОАО "АвтоВАЗ" и А.Д.Чулкова нарушением зарубежным партнером условий договора, а в отношении ООО "Верность" - внесением в законодательство изменений, установивших иные сроки зачисления валютной выручки за экспортированный товар, сокращенные по сравнению с указанными в договоре; ОАО "Комбинат "Североникель" - за действия, направленные на неправомерное освобождение от таможенных платежей или их занижение, выразившиеся в заявлении в таможенной декларации недостоверных сведений (статья 282 Таможенного кодекса Российской Федерации), что было связано с внесением в правовые акты, регулирующие таможенные отношения, изменений, о которых, по утверждению заявителя, он не знал и не мог знать.

По мнению заявителей, эти положения, допуская возможность ответственности предприятий, учреждений и организаций, а также лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, за сам факт нарушения таможенных правил, безотносительно к наличию их вины, нарушают тем самым закрепленные Конституцией Российской Федерации принципы справедливости (статьи 1 и 7), равенства физических и юридических лиц (статья 19, часть 1), соразмерности ответственности (статья 55, часть 3), презумпции невиновности (статья 49), а также право частной собственности (статьи 8 и 35) и право на осуществление предпринимательской деятельности (статья 34).

1.1. Оценка конституционности части шестой статьи 231 во взаимосвязи со статьей 230,

пунктом 6 статьи 291 и абзацем четвертым статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации требует выявления их конституционно-правового смысла на основании вытекающих из Конституции Российской Федерации общих принципов юридической ответственности, которые по своему существу относятся к основам правопорядка и оказывают непосредственное влияние на конституционно-правовой статус физических и юридических лиц в Российской Федерации (статьи 49, 50, 54 и 64).

В частности, как следует из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие состава правонарушения является, таким образом, необходимым основанием для всех видов юридической ответственности, при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений, должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности, что относится и к ответственности за нарушение таможенных правил.

При отсутствии состава таможенного правонарушения производство по делу о нарушении таможенных правил, согласно пункту 2 статьи 291 Таможенного кодекса Российской Федерации, не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению. Как следует из этого положения во взаимосвязи с пунктом 1 той же статьи, согласно которому основанием освобождения от ответственности является отсутствие события таможенного правонарушения (при том, что пункты 1 и 2 распространяются на всех субъектов таможенных отношений), привлечение к ответственности юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, за совершение нарушения таможенных правил не может обосновываться одним только фактом нарушения таможенных правил.

К основаниям ответственности, исходя из общего понятия состава правонарушения, относится и вина, если в самом законе прямо и недвусмысленно не установлено иное. Соответствующая правовая позиция выражена Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 21 января 2001 года по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отсутствие вины при нарушении таможенных правил является, таким образом, одним из обстоятельств, исключающих производство по делу о данном нарушении, поскольку свидетельствует об отсутствии самого состава таможенного правонарушения. Это предполагается и положениями части шестой статьи 231, статьи 230, пункта 6 статьи 291, абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации, применяемыми в системной связи с главой 39 Таможенного кодекса Российской Федерации, которая определяет виды нарушений таможенных правил и ответственность за них.

Иная трактовка состава таможенного правонарушения как основания ответственности противоречила бы и природе правосудия: суд, обеспечивающий в связи с привлечением к ответственности за нарушение таможенных правил защиту прав и свобод физических и юридических лиц посредством судопроизводства, основанного на состязательности и равноправии сторон (статья 123 Конституции Российской Федерации), не может ограничиваться формальной констатацией лишь факта нарушения таможенных правил, не выявляя иные связанные с ним обстоятельства, в том числе наличие или отсутствие вины соответствующих субъектов, в какой бы форме она ни проявлялась и как бы ни было распределено бремя ее доказывания.

Применительно к сфере уголовной ответственности Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 49 презумпцию невиновности, т.е. возлагает обязанность по доказыванию вины в совершении противоправного деяния на соответствующие государственные органы. В процессе правового регулирования других видов юридической ответственности законодатель вправе решать вопрос о распределении бремени доказывания вины иным образом, учитывая при этом особенности соответствующих отношений и их субъектов (в частности, предприятий, учреждений, организаций и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица), а также требования неотвратимости ответственности и интересы защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 15, часть 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Решая вопрос о распределении бремени доказывания вины, законодатель вправе - если конкретный состав таможенного правонарушения не требует иного - освободить от него органы государственной власти при обеспечении возможности для самих субъектов правонарушения подтверждать свою невиновность. По смыслу оспариваемых положений Таможенного кодекса Российской Федерации, предприятия, учреждения и организации, а также лица, занимающиеся

предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, не могут быть лишены возможности доказать, что нарушение таможенных правил вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми для данных субъектов таможенных отношений препятствиями, находящимися вне их контроля, при том что они действовали с той степенью заботливости и осмотрительности, какая требовалась в целях надлежащего исполнения таможенных обязанностей, и что с их стороны к этому были приняты все меры.

Такое регулирование, касающееся содержания и бремени доказывания вины субъектов отношений, связанных с международным обменом товарами, работами, услугами, информацией, результатами интеллектуальной деятельности, содержится и в ряде международно-правовых актов, признанных Российской Федерацией и являющихся, согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации, составной частью ее правовой системы. Так, Конвенцией ООН от 11 апреля 1980 года "О договорах международной купли-продажи товаров" предусмотрено, что "сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий" (пункт 1 статьи 79).

Ряд других международно-правовых актов также допускают претерпевание лицом, виновность которого не должна доказываться государственными органами, неблагоприятных последствий нарушения таможенных правил, если при этом ему предоставляется возможность доказать свою невиновность (статья 16 Конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, от 12 октября 1929 года, статья 11 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19 мая 1956 года, стандарты 5.2. и 5.3. приложения к Конвенции по облегчению международного морского судоходства от 9 апреля 1965 года). Возможность освобождения органов государственной власти от обязанности доказывать вину субъекта, нарушившего таможенные правила, предусмотрена, кроме того, стандартным правилом 25 приложения "Н" к не ратифицированной Российской Федерацией Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 года (в редакции Протокола о ее изменении от 26 июня 1999 года), что отражает тенденции и содержание соответствующего законодательного регулирования во многих странах.

Российская Федерация в своем таможенном законодательстве не может не учитывать эти подходы, поскольку интересы защиты экономической основы суверенитета требуют признания принципа единства и взаимности, согласно которому государство не может ставить себя в невыгодные с точки зрения таможенных режимов правовые условия по сравнению с другими странами. Такая правовая позиция выражена Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 14 мая 1999 года по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации.

Публично-правовые таможенные отношения, возникающие в связи с перемещением через таможенную границу товаров, непосредственно связаны с имущественными отношениями с участием как зарубежных, так и российских контрагентов, на которых возложено и обеспечение соблюдения таможенных требований. При этом исполнение публично-правовых по своему характеру таможенных обязанностей во многом зависит от исполнения имущественных обязательств соответствующих контрагентов.

Предоставленное субъекту таможенных правоотношений правомочие доказывать свою невиновность корреспондирует его возможности принимать меры по обеспечению выполнения контрагентами имеющихся перед ним обязательств, с тем чтобы в свою очередь не утратить возможность для исполнения своих публично-правовых (таможенных) обязанностей, которое не должно обеспечиваться в меньшей степени, чем выполнение обязательств в имущественных отношениях: на нем лежит забота о выборе контрагента и обеспечении выполнения последним принятых обязательств любыми законными способами, он отвечает за неисполнение публичных обязанностей, связанных в том числе с действиями (бездействием) контрагентов. Это, однако, не исключает, что в дальнейшем имущественные права привлеченного к ответственности субъекта таможенных отношений могут быть восстановлены путем предъявления иска контрагенту, действия (бездействие) которого повлекли наложение взыскания.

1.2. Положения части шестой статьи 231, статьи 230, пункта 6 статьи 291 и абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации касаются оснований и условий применения ответственности за таможенные правонарушения предприятий, учреждений, организаций, а также физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического

лица, и не распространяются на иных физических лиц. Это не является нарушением принципа равенства всех перед законом (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), который гарантирует одинаковые права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает возможность установления различных условий привлечения к ответственности для различных категорий субъектов права (в данном случае - юридических лиц и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, с одной стороны, и физических лиц, - с другой). Такие различия, однако, не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов.

Учредитель предприятия, учреждения и организации, наделяя их правом участвовать в хозяйственном обороте, влекущем возникновение таможенных обязанностей, возлагает на них и риски, сопутствующие такой деятельности, в том числе связанные с условиями привлечения к ответственности. Гражданин, начиная деятельность в качестве предпринимателя без образования юридического лица, т.е. получая в дополнение к общему для всех граждан статусу новые возможности, позволяющие заниматься деятельностью, направленной на получение прибыли, также принимает на себя связанные с нею риски и возможные ограничения и должен нести дополнительные обременения. Поэтому указанные положения Таможенного кодекса Российской Федерации, распространяясь в равной мере на все юридические лица и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, как на особую категорию субъектов таможенных правоотношений, и с этой точки зрения не противоречат принципу равенства перед законом.

1.3. Таким образом, положения части шестой статьи 231 и находящиеся во взаимосвязи с ним положения статьи 230, пункта 6 статьи 291 и абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации в части, касающейся ответственности предприятий, учреждений, организаций, а также лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, за нарушение таможенных правил, не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку этими положениями не исключается возможность для данных субъектов таможенных отношений должным образом подтверждать, что нарушение таможенных правил вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми препятствиями, находящимися вне их контроля, при соблюдении ими той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от них в целях надлежащего исполнения таможенных обязанностей.

Согласно статье 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем постановлении конституционный смысл указанных положений Таможенного кодекса Российской Федерации обязателен для всех правоприменителей, что должно исключать имеющий место в практике таможенных органов и судов отказ от оценки представляемых юридическими лицами и гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, доказательств их невиновности в нарушении таможенных правил.

2. ООО "Вита-Плюс" и гражданин А.Д.Чулков, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, на основании статьи 273 Таможенного кодекса Российской Федерации были привлечены к ответственности за нарушение требований таможенного режима "экспорт товаров", выразившееся в несвоевременном зачислении валютной выручки от экспорта на счет в уполномоченном банке, и подвергнуты штрафу в размере, соответственно, 1% и 10% экспортной валютной выручки.

В своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации заявители оспаривают конституционность статьи 273 Таможенного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за нарушение ограничений, требований и условий таможенного режима, не указанных в других статьях главы 39 данного Кодекса. По мнению заявителей, диспозиция данной статьи не устанавливает точных оснований ответственности, а санкция несоразмерна характеру и степени общественной опасности правонарушения, что противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 55 (часть 3).

ООО "Вита-Плюс" оспаривает также конституционность статьи 24 Таможенного кодекса Российской Федерации, согласно которой в случае, если данным Кодексом не предусмотрены положения, регулирующие отдельные вопросы применения таможенных режимов, Правительство Российской Федерации и Государственный таможенный комитет Российской Федерации в пределах своей компетенции вправе впредь до принятия соответствующих законодательных актов Российской Федерации определять особенности правового регулирования таможенных режимов, а также устанавливать таможенные режимы, не предусмотренные данным Кодексом.

Как утверждает заявитель, статья 24 Таможенного кодекса Российской Федерации позволяет расширять круг связанных с таможенными режимами составов таможенных правонарушений, как они определены диспозицией его статьи 273, на основании подзаконных нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, что противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 55 (часть 3).

2.1. Как следует из пункта 16 статьи 10, статей 22, 108 и 198-200 Таможенного кодекса Российской Федерации, перемещение экспортной валютной выручки через таможенную границу Российской Федерации подпадает под таможенный режим "экспорт товаров", предусмотренный пунктом 12 статьи 23 данного Кодекса; перемещение через таможенную границу иностранной валюты и других валютных ценностей осуществляется в соответствии с валютным законодательством Российской Федерации, а валютный контроль за ее перемещением производится таможенными органами в пределах их компетенции.

Законом Российской Федерации от 9 октября 1992 года "О валютном регулировании и валютном контроле" (в редакции от 5 июля 1999 года) установлена обязанность экспортеров зачислять валютную выручку на счет в уполномоченном банке в определенный срок (подпункт "а" пункта 9 статьи 1, пункты 1 и 3 статьи 5). Это положение конкретизировано в приказе Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 24 июля 1995 года № 467 "О порядке применения нормы права, установленной статьей 273 Таможенного кодекса Российской Федерации" и Указе Президента Российской Федерации от 18 августа 1996 года № 1209 "О государственном регулировании внешнеторговых бартерных сделок", согласно которым правило о зачислении экспортерами в определенный срок валютной выручки на счет в банке относится к требованиям таможенного режима "экспорт товаров", установленным статьей 98 Таможенного кодекса Российской Федерации.

Данное разъяснение не вводит таможенный режим, не предусмотренный Таможенным кодексом Российской Федерации, и не содержит новых требований к режиму "экспорт товаров". Следовательно, обязанность экспортеров зачислять в определенный срок валютную выручку на счет в уполномоченном банке установлена не подзаконными нормативными актами федеральных органов исполнительной власти, а самим Таможенным кодексом Российской Федерации, а несоблюдение этой обязанности влечет ответственность за нарушение таможенного режима "экспорт товаров" на основании диспозиции статьи 273 Таможенного кодекса Российской Федерации в системной связи с нормами Закона Российской Федерации "О валютном регулировании и валютном контроле".

Таким образом, при привлечении ООО "Вита-Плюс" и гражданина А.Д.Чулкова, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, к ответственности за несвоевременное зачисление валютной выручки статья 24 Таможенного кодекса Российской Федерации не применялась, и, следовательно, диспозиция его статьи 273, на основании которой заявители были привлечены к ответственности, не может рассматриваться как нарушившая их конституционные права и свободы.

2.2. Санкция статьи 273 Таможенного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность в виде штрафа в размере от ста до двухсот процентов стоимости товаров и транспортных средств, являющихся непосредственными объектами правонарушения, с их конфискацией или без таковой, либо с взысканием стоимости таких товаров и транспортных средств или без такового, либо с отзывом лицензии или квалификационного аттестата или без их отзыва.

Согласно статье 71 (пункт "ж") Конституции Российской Федерации валютное и таможенное регулирование относится к ведению Российской Федерации. Исходя из необходимости защиты российского рынка, стимулирования развития национальной экономики, обеспечения наиболее эффективного использования инструментов таможенного контроля и регулирования товарообмена на таможенной территории, т.е. реализации задач экономической политики Российской Федерации, федеральный законодатель определяет основания, а также виды и меры ответственности за нарушение таможенных и валютных правил.

Выбор же конкретной меры взыскания, соразмерной содеянному, относится к компетенции правоприменителя, который обязан учитывать все обстоятельства дела, в том числе характер и степень общественной опасности деяния. Именно из этого исходили таможенные органы, определяя штрафные санкции, подлежащие применению в отношении ООО "Вита-Плюс" и гражданина А.Д.Чулкова, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в размере, соответственно, 1% и 10% экспортной валютной выручки.

Таким образом, и санкция статьи 273 Таможенного кодекса Российской Федерации не может рассматриваться как влекущая нарушение конституционных прав и свобод. Разрешение же вопроса о проверке правильности применения в отношении заявителей конкретных мер ответственности в силу статьи 125 Конституции Российской Федерации и статьи 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не относится.

При таких обстоятельствах производство по делу в части, касающейся проверки конституционности статей 24 и 273 Таможенного кодекса Российской Федерации, в соответствии с пунктами 1 и 2 части первой статьи 43 и статьей 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" подлежит прекращению.

3. Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, ООО "Невско-Балтийская транспортная компания" и ТОО "Эконт" оспаривают конституционность части второй статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, согласно которой взыскания в виде конфискации (взыскания стоимости) товаров и транспортных средств, явившихся непосредственными объектами нарушения таможенных правил, предусмотренные пунктами 4-6 статьи 242 данного Кодекса, налагаются независимо от времени совершения или обнаружения нарушения таможенных правил и независимо от того, являются они основными или дополнительными.

По мнению заявителей, данная норма позволяет налагать указанные в ней взыскания без ограничения срока, что не соответствует статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 50 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации; кроме того, после истечения срока, установленного частью первой статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации для применения основных взысканий, она позволяет налагать дополнительные взыскания в виде конфискации (взыскания стоимости) товаров и транспортных средств без применения основных, что не соответствует статьям 19 (часть 1) и 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

3.1. По смыслу статей 8 (часть 1), 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации федеральный законодатель, принимая законы в области таможенного регулирования, обязан учитывать не только публичные интересы государства, связанные с его экономической безопасностью, но и частные интересы физических и юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений и внешнеэкономической деятельности.

После перемещения через таможенную границу товары поступают в имущественный оборот и уже через непродолжительное время могут не только находиться в собственности или законном владении других лиц, но и многократно поменять собственника (владельца), в связи с чем лица, у которых произведена конфискация (взыскание стоимости) товаров, явившихся непосредственными объектами (предметами) таможенных правонарушений, по инициативе контрагентов нередко привлекаются к гражданско-правовой ответственности. Между тем Гражданский кодекс Российской Федерации ограничивает такую возможность сроком исковой давности (статьи 195-197), истечение которого является основанием к вынесению решения об отказе в иске (статья 199).

При таких условиях конфискация (взыскание стоимости) товаров и транспортных средств независимо от времени совершения или обнаружения нарушения таможенных правил может привести к дестабилизации экономических отношений, нарушению гарантий свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности, а также к ограничению равенства субъектов этих отношений перед законом и судом, права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной деятельности, права частной собственности (статья 8, часть 1; статья 19, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, часть 1, Конституции Российской Федерации). Это не согласуется также с вытекающим из статьи 1 (часть 1) Конституции Российской Федерации и обязательным в демократическом правовом государстве требованием справедливости при применении ответственности за правонарушение и противоречит статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не допускающей несоразмерное указанным в ней конституционно значимым целям ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Поддержание - в целях обеспечения конституционных гарантий прав и свобод граждан - баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов, участвующих в таможенных и сопряженных с ними гражданско-правовых отношениях, диктует необходимость установления ограничительных сроков для применения конфискации (взыскания стоимости) товаров и транспортных средств, явившихся непосредственным объектом нарушения таможенных правил. Тем более что для таможенного контроля статьей 182 Таможенного кодекса Российской Федерации предусмотрен срок хранения документов и сведений. Закрепленный ею трехлетний срок фактически

определяет и временные рамки, в пределах которых может быть обеспечено получение доказательств в отношении фактов нарушения таможенных правил для привлечения лица к ответственности. Законодатель тем самым допускает, что за пределами этого срока совершенное правонарушение не получит документального подтверждения, а следовательно, исключается и наказание за него.

Согласно части первой статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации срок наложения взыскания за нарушение таможенных правил, предусмотренных пунктами 1-3 статьи 242 данного Кодекса, исчисляется со дня обнаружения правонарушения. Данный порядок, однако, не может быть распространен на все случаи конфискации (взыскания стоимости) товаров и транспортных средств. При условии, что в гражданско-правовых отношениях срок исковой давности в соответствии со статьей 200 ГК Российской Федерации исчисляется со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, в таможенных правоотношениях применение к оконченому правонарушению правил об исчислении срока наложения взыскания со дня обнаружения не обеспечивает разумное соотношение между публично-правовыми интересами государства и частно-правовыми интересами субъектов внешнеэкономической деятельности. В данном случае исчисление срока для наложения взыскания за нарушение таможенных правил в виде конфискации (взыскания стоимости) товаров, явившихся непосредственными объектами правонарушения, должно производиться с момента совершения правонарушения. Вместе с тем это требование неприменимо к длящимся правонарушениям, по которым исчисление срока наложения взысканий должно начинаться со времени обнаружения правонарушения.

Таким образом, часть вторая статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, как позволяющая производить конфискацию (взыскание стоимости) товаров и транспортных средств, явившихся непосредственными объектами (предметами) таможенных правонарушений, независимо от времени совершения или обнаружения нарушения таможенных правил, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 50 (часть 1) и 55 (части 2 и 3).

В силу статей 10 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (пункт "ж") и 76 (часть 1) установление соответствующих ограничительных сроков относится к компетенции федерального законодателя. Впредь до их установления, по смыслу статьи 196 ГК Российской Федерации и статьи 182 Таможенного кодекса Российской Федерации, должен действовать трехлетний срок, в течение которого допускается наложение взыскания в виде конфискации (взыскания стоимости) товара и транспортных средств, явившихся непосредственными объектами (предметами) нарушения таможенных правил. Это не означает, что законодатель не вправе установить в зависимости от вида таможенного правонарушения иной срок для наложения таких взысканий.

3.2. Виды взысканий, налагаемых за таможенные правонарушения, перечислены в статье 242 Таможенного кодекса Российской Федерации без разделения на основные и дополнительные, хотя такое разделение возможно на основе других положений Таможенного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за конкретные виды нарушений таможенных правил, а также части первой его статьи 247, запрещающей применение отдельных видов взысканий по истечении предельного срока со дня обнаружения правонарушения.

Часть вторая статьи 247 во взаимосвязи со статьей 242 Таможенного кодекса Российской Федерации не запрещает использовать одно и то же взыскание как в качестве основного, так и в качестве дополнительного либо применять дополнительное взыскание без основного. Наложение указанных в них мер взыскания производится в рамках производства по одному и тому же нарушению таможенных правил, одним и тем же правоприменительным органом, а потому не может рассматриваться как повторное осуждение, на недопустимость которого указано в статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Не ограничивается при этом и принцип равенства перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку оспариваемая норма является общей для всех субъектов таможенных правонарушений.

Таким образом, часть вторая статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, как позволяющая налагать дополнительные взыскания, предусмотренные пунктами 4-6 статьи 242 Таможенного кодекса Российской Федерации, без применения основных, не противоречит Конституции Российской Федерации.

4. ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" оспаривает конституционность части первой статьи 279 Таможенного кодекса Российской Федерации, согласно которой недекларирование или недостоверное декларирование товаров и транспортных средств,

перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации, то есть незаявление по установленной письменной, устной или иной форме достоверных сведений либо заявление недостоверных сведений о товарах и транспортных средствах, их таможенном режиме и других сведений, необходимых для таможенных целей, при отсутствии признаков контрабанды влечет наложение штрафа в размере от ста до двухсот процентов стоимости товаров и транспортных средств, являющихся непосредственными объектами правонарушения, с их конфискацией или без таковой, либо с взысканием стоимости таких товаров и транспортных средств или без такового, либо с отзывом лицензии или квалификационного аттестата или без их отзыва.

По мнению заявителя, данная норма позволяет налагать одновременно два взыскания за одно правонарушение - взыскивать штраф, исчисляемый от стоимости товаров и транспортных средств, явившихся непосредственными объектами (предметами) нарушения таможенных правил, и их стоимость, что не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 55 (части 2 и 3).

Из части первой статьи 279 во взаимосвязи со статьями 243, 245 и 247 Таможенного кодекса Российской Федерации следует, что штраф - это основное денежное взыскание, исчисляемое исходя из стоимости товаров и транспортных средств, являющихся непосредственными объектами правонарушения, а взыскание их стоимости применяется в качестве дополнительного наказания и состоит в принудительном изъятии денежной суммы, составляющей свободную (рыночную) цену таких товаров и транспортных средств, т.е. выступает своеобразным эквивалентом конфискации в случае, когда конфискация невозможна или нецелесообразна.

Как следует из представленных материалов, после истечения срока, предусмотренного частью первой статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, штраф за таможенное правонарушение на ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" не налагался, - с него была взыскана стоимость товара, поставленного по внешнеторговому контракту иностранному партнеру. Таким образом, применением санкции части первой статьи 279 Таможенного кодекса Российской Федерации его конституционные права нарушены не были, а потому производство по настоящему делу в данной части подлежит прекращению. Это, однако, не препятствует пересмотру правоприменительных решений по делу ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт", если они были приняты на основании положений части шестой статьи 231, статьи 230, пункта 6 статьи 291 и абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 68, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положение части шестой статьи 231 и находящиеся во взаимосвязи с ним положения статьи 230, пункта 6 статьи 291 и абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации в части, касающейся ответственности предприятий, организаций, учреждений, а также лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, за нарушение таможенных правил, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку этими положениями не исключается возможность для данных субъектов таможенных отношений должным образом подтверждать, что нарушение таможенных правил вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми препятствиями, находящимися вне их контроля, при соблюдении ими той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от них в целях надлежащего исполнения таможенных обязанностей.

2. Признать часть вторую статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, как позволяющую налагать взыскания в виде конфискации (взыскания стоимости) товаров и транспортных средств независимо от времени совершения или обнаружения нарушения таможенных правил, не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 8 (часть 1), 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3).

Впредь до принятия федерального закона, устанавливающего соответствующие сроки, такие взыскания не могут налагаться позднее трех лет с момента нарушения таможенных правил, а для длящегося правонарушения - с момента его обнаружения.

3. Признать часть вторую статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, как позволяющую налагать дополнительные взыскания, предусмотренные пунктами 4-6 статьи 242 Таможенного кодекса Российской Федерации, без применения основных взысканий, не противоречащей Конституции Российской Федерации.

4. Прекратить производство по делу в части, касающейся проверки конституционности статей 24, 273 и части первой статьи 279 Таможенного кодекса Российской Федерации.

5. Дела ООО "Невско-Балтийская транспортная компания" и ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" подлежат пересмотру в установленном законом порядке, если основанием вынесенных по ним решений явились положения части второй статьи 247 Таможенного кодекса Российской Федерации, позволяющие налагать взыскания в виде конфискации (взыскания стоимости) товаров и транспортных средств независимо от срока совершения или обнаружения нарушения таможенных правил.

Дела ОАО "АвтоВАЗ", ОАО "Комбинат "Североникель", ООО "Верность", ТОО "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А.Д.Чулкова, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, подлежат пересмотру компетентными органами в установленном порядке, если они были разрешены на основании положений части шестой статьи 231, статьи 230, пункта 6 статьи 291 и абзаца четвертого статьи 320 Таможенного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

6. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

7. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Собрании законодательства Российской Федерации" и "Российской газете". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
М.В.Баглай

Судьи
Конституционного Суда
Российской Федерации
Н.С.Бондарь
Н.В.Витрук
Г.А.Гаджиев
Ю.М.Данилов
Л.М.Жаркова
Г.А.Жилин
В.Д.Зорькин
А.Л.Кононов
В.О.Лучин
Т.Г.Морщакова
Н.В.Селезнев
А.Я.Слива
В.Г.Стрекозов
О.С.Хохрякова
Б.С.Эбзеев
В.Г.Ярославцев

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А.Л. КОНОНОВА**

1. Не представляется возможным согласиться с изложенными в пункте 1 резолютивной части Постановления выводами Конституционного Суда о соответствии Конституции Российской Федерации положений статей 230, 231, 291 и 320 Таможенного кодекса. Эти выводы противоречат как аргументам, содержащимся в мотивировочной части, так и буквальному смыслу, содержанию и практике применения оспариваемых положений.

Так, Конституционным Судом Российской Федерации справедливо признается, что общие принципы юридической ответственности, вытекающие, в частности, из статей 49, 50, 54 и 64 Конституции Российской Федерации, включают как обязательное требование принцип вины, без которой отсутствует состав правонарушения и, следовательно, юридическая ответственность невозможна. Признается также, что соблюдение принципа вины обязательно и в случае привлечения к ответственности за нарушение таможенных правил, где наличие вины является неотъемлемым признаком состава таможенного правонарушения и подлежит обязательному доказыванию при наложении взыскания. Иное, как указано в Постановлении, противоречило бы природе правосудия.

Между тем в оспариваемых нормах содержатся прямо противоположные утверждения. Статья 230 не включает признак вины как обязательный во всех случаях в понятие нарушения таможенных правил, ограничивая его лишь фактом правонарушения. Сопоставление частей пятой и шестой статьи 231, пункта 6 статьи 291 и абзацев третьего и четвертого статьи 320 Таможенного кодекса прямо указывает на то, что в отличие от физических и должностных лиц привлечение к ответственности юридических лиц и предпринимателей не требует установления и доказывания каких-либо форм их вины. О том, что это сознательная и последовательная позиция законодателя, говорят и другие нормы Таможенного кодекса, например часть первая статьи 321. Именно таким образом понимались эти положения в правоприменительной практике таможенных органов и судов в делах заявителей. Утверждение о том, что они содержат или предполагают иной смысл, якобы учитывающий принцип вины, по меньшей мере необоснованно. Их противоречие Конституции Российской Федерации и приведенной выше мотивировке слишком явны и очевидны.

Отсутствие в оспариваемых нормах требования установления вины в отношении юридических лиц и предпринимателей практически препятствовало доказыванию их невиновности, признанию юридической силы их возражений в суде и приводило к объективному вменению.

Фактически признав правовую возможность указанных субъектов доказывать, что нарушение таможенных правил произошло не по их вине, Конституционный Суд, однако, воздержался от упоминания самого понятия вины и ограничился неполным воспроизведением лишь одной формы неосторожной вины в виде небрежности с добавлением некоторых обстоятельств, исключающих, по общему правилу, ответственность вообще. Эта невнятная позиция, по нашему мнению, не в полной мере гарантирует права субъекта, привлеченного к юридической ответственности, эффективно опровергать предъявленное обвинение в нарушении таможенных правил, доказывать свою невиновность, что прямо вытекает из презумпции невиновности и права на защиту, которые не подлежат каким-либо ограничениям, неоднократно подтверждены прежними решениями Конституционного Суда и абсолютно бесспорны с точки зрения всех общеправовых принципов и конституционных норм.

Еще большую опасность для защиты субъектов от необоснованного вменения представляет происшедшая в процессе аргументации решения Конституционного Суда Российской Федерации подмена понятия "возможность доказывания" понятием "бремя доказывания", что можно понимать как признание обязанности субъектов ответственности за нарушение таможенных правил доказывать свою невиновность, то есть как презумпцию их виновности. Конституционный Суд, очевидно, исходил при этом из ошибочной аналогии с гражданско - правовыми отношениями, недопустимо смешивая риск предпринимательской деятельности с бременем объективного вменения, частноправовые принципы правососстановительного характера - с применением штрафных санкций за публичные правонарушения.

Это подтверждается и ссылками на международные конвенции, связанные с обменом, куплей - продажей, воздушными, дорожными и морскими перевозками. Лишь единственный в этом перечне акт - Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 года касается рассматриваемого вопроса, но как раз в приведенном его положении прямо признается, что ответственность за таможенные правонарушения наступает только при наличии вины в форме умысла или неосторожности, а вопрос о том, кто несет бремя доказывания, непосредственно не регулируется. Поэтому говорить о международных тенденциях в рассматриваемом аспекте нет оснований, как и ссылаться на интересы защиты государственного суверенитета.

Изъяны оспариваемых норм имеют более простое объяснение в ведомственном интересе, поскольку существенным образом облегчают таможенным органам процедуру привлечения к ответственности, не обременяя их обязанностью доказывания вины. Здесь можно привести пример из практики Европейского суда по правам человека, который в своем решении по делу Функе от 25

февраля 1993 года указывал, что особенности таможенного права не могут оправдать отступление от презумпции невиновности.

Положения статьи 49 Конституции Российской Федерации о принципе виновной ответственности, презумпции невиновности и бремени доказывания, которое возлагается на органы государства и их должностных лиц, выражают общие принципы права при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности как в уголовном, так и в равной мере в административном праве, что общепризнано в отечественной правовой доктрине. То, что ответственность за нарушение таможенных правил носит публичный и именно административно - правовой характер, неоднократно отмечалось Конституционным Судом Российской Федерации (например, в Постановлении от 11 марта 1998 года). Здесь, в отличие от гражданско - правовой ответственности, существует неравноправие сторон, действуют отношения власти и подчинения между государственным органом, налагающим взыскание, и субъектом ответственности, и именно поэтому презумпция невиновности носит характер особой конституционной и общеправовой гарантии от произвола обвиняющей власти, гарантии соблюдения прав и свобод.

Бремя доказывания, то есть сбор уличающих фактов, их оценка, установление виновности и других признаков состава правонарушения, в административном законодательстве возложено на уполномоченные государственные органы и должностных лиц. Это прямо вытекает не только из Кодекса об административных правонарушениях, но и из Таможенного кодекса, который вовсе не устанавливает какого-либо иного порядка в этом вопросе. Более того, вопрос о бремени доказывания никем из сторон в заседании Конституционного Суда не поднимался вообще. Этот вопрос не может иметь различное регулирование и в отношении разных субъектов. В Постановлении Конституционного Суда от 15 июля 1999 года уже выражена позиция, согласно которой принципы привлечения к публичной ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам.

Таким образом, оспариваемые положения статей 230, 231, 291 и 320 Таможенного кодекса противоречат Конституции Российской Федерации по вышеуказанным основаниям.

2. Не представляется возможным согласиться с аргументацией и выводами в отношении оспариваемых положений статей 24 и 273 Таможенного кодекса.

Так, совершенно без внимания оставлен вопрос о неопределенности диспозиции статьи 273, который поставили перед судом оба заявителя. Между тем положения этой статьи не только не содержат точного, определенного и законченного перечня нарушений, влекущих применение установленных санкций, не только оставляют этот перечень открытым в виде отсылки к иным ограничениям, требованиям и условиям таможенного режима, но и не содержат даже минимально необходимого по правилам законодательной техники - хотя бы отсылки к каким-либо конкретным актам, которые такие требования закрепляют. Наименование этой статьи ("Неправомерные операции"), ее содержание и простое сопоставление с текстом статьи 24 Таможенного кодекса позволяют допустить, что она устанавливает ответственность за нарушение требований не только Таможенного кодекса, как это видно и из дел заявителей, но и неограниченного и неопределенного числа нормативных актов, причем не только законов, но и подзаконных актов.

Такая неопределенность нормы, особенно нормы, устанавливающей юридическую ответственность, абсолютно недопустима как с точки зрения статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой любое ограничение прав и свобод может быть осуществлено только федеральным законом, так и с учетом того, что она влечет высокую вероятность произвольного применения, что в подобных случаях неоднократно признавалось Конституционным Судом противоречащим статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Так, в Постановлении от 11 марта 1998 года отмечалась дефектность диспозиции статьи 266 Таможенного кодекса: она носит отсылочный характер, в ней непосредственно не излагаются требования, невыполнение которых влечет применение санкции; при этом для того, чтобы установить нарушение таможенного режима и привлечь к ответственности на основании данной нормы, необходимо обращаться не только к другим статьям Таможенного кодекса, но и к подзаконным актам.

Оба заявителя, оспаривавшие конституционность статьи 273, были привлечены к ответственности за несвоевременное зачисление валютной выручки, то есть за нарушение, вообще не упомянутое в Таможенном кодексе. Хотя в Постановлении предпринята попытка доказать обратное. Между тем из перечисленных в нем положений Таможенного кодекса (пункт 16 статьи 10, статьи 22, 108, 198 - 200), определяющих в основном общую компетенцию таможенных органов в сфере валютного контроля, ни по какой логике не вытекает связь вмененных заявителям нарушений с определенным таможенным режимом, тем более с режимом "экспорт товаров". Ничего не говорится об этом и в Законе Российской Федерации "О валютном регулировании и валютном контроле". Такую связь можно обнаружить только в подзаконных нормативных актах - Приказе Государственного таможенного комитета от 24 июля 1995 года и Указе Президента Российской Федерации от 18 августа 1996 года, где не конкретизировано, а именно прямо установлено, что требования к экспортерам и условия зачисления в уполномоченные банки валютной выручки охватываются таможенным режимом "экспорт товаров". Как отмечается в заключении одного из экспертов по делу, только после

этого стало возможным привлечение к ответственности за подобные правонарушения по статье 273 Таможенного кодекса.

В настоящем Постановлении утверждается, что статья 24 Таможенного кодекса к заявителям не применялась и, следовательно, их права не нарушены. Однако ООО "Вита - Плюс" представлено решение Арбитражного суда Смоленской области по его делу, в котором именно эта статья положена в обоснование ответственности заявителя за нарушение сроков зачисления валютной выручки. Так, по мнению арбитражного суда, хотя в Таможенном кодексе указанное требование прямо не предусмотрено как обязательное условие режима экспорта, его статья 24 позволяет Государственному таможенному комитету впредь до принятия соответствующих законодательных актов определять особенности правового регулирования таможенных режимов, а также устанавливать таможенные режимы, не предусмотренные данным Кодексом. В качестве таких актов, изданных на основе статьи 24, суд как раз и называет Указ Президента и Приказ Государственного таможенного комитета. Таким образом, прекращение дела по этому эпизоду нельзя признать обоснованным.

Аналогичное заключение можно сделать и по поводу вопроса о соразмерности санкции статьи 273 Таможенного кодекса. Конституционный Суд сослался на полномочие законодателя самому определять основания, виды и меры ответственности за нарушение таможенных правил, исходя из задач экономической политики, однако ни экономическая политика и ни одна из ее задач не перечислены в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации как конституционно допустимые цели ограничения прав и свобод.

Санкции статьи 273 предусматривают возможность взыскания штрафа в размере от 100 до 200 процентов стоимости товара (в данном случае - валютной выручки), а также взыскание его стоимости, что фактически уравнивает однородное наказание.

По мнению эксперта по делу профессора Б.И. Пугинского, с которым нельзя не согласиться, подобные размеры ответственности неоправданно высоки, совершенно несоразмерны характеру и последствиям нарушений и противоречат принципу справедливости. В своем обращении предприниматель А.Д. Чулков, который, кстати, четырежды подвергался по этой статье штрафу, в том числе и в размере 100% валютной выручки, указывает, что размеры штрафа и в относительном, и в абсолютном выражении настолько непосильны для него, что ставят его под угрозу разорения и прекращения предпринимательской деятельности, и это при том, что государство не понесло никаких убытков, поскольку выручка через непродолжительное время поступила в полном объеме. Арбитражные суды в делах заявителей также констатировали отсутствие экономического ущерба для государства. Вряд ли угроза подобной ответственности способна стимулировать внешнеторговую деятельность.

Конституционный Суд уже неоднократно признавал несоразмерность санкций за правонарушения конституционным принципам (Постановления от 11 марта 1998 года, от 12 мая 1998 года, от 15 июля 1999 года), указывая, в частности, что санкции не должны превращаться в инструмент чрезмерного ограничения свободы предпринимательства, когда они ставят под угрозу саму дальнейшую деятельность вплоть до ее прекращения. По нашему мнению, санкции статьи 273 Таможенного кодекса - это именно такой случай.

3. Не представляется возможным согласиться с выводами и аргументами Конституционного Суда по поводу положений статьи 247 Таможенного кодекса в части установления судом трехлетнего срока давности привлечения к ответственности, а также в отношении правил применения основных и дополнительных взысканий.

Известно, что целями установления сроков давности является, с одной стороны - обеспечение эффективности привлечения к юридической ответственности, поскольку слишком большие сроки приводят к утрате доказательств и искажению смысла и назначения наказания, с другой стороны - эти сроки призваны сохранять необходимую стабильность правовых отношений, поскольку никто не может быть поставлен под угрозу возможного наказания на неопределенный или слишком длительный срок. Поэтому установление сроков давности зависит от тяжести содеянного, процессуальных потребностей и, главное, от вида юридической ответственности.

Непонятно, почему Конституционный Суд решил, что в данном случае "должен действовать трехлетний срок", хотя бесспорно, что речь идет об административном виде юридической ответственности. И это при том, что уже Таможенный кодекс в отношении ряда наиболее тяжких взысканий устанавливает сроки их наложения от 2 до 6 месяцев. Отсылки к сроку исковой давности, установленному Гражданским кодексом, или к сроку хранения таможенных документов ничего не объясняют. Вероятно, имело бы смысл при установлении срока хранения документов учитывать срок давности привлечения к взысканию, а не наоборот. И если принимать во внимание имущественные интересы контрагентов таможенных правонарушителей, на которые ссылается Конституционный Суд, то они тем эффективнее были бы защищены, чем меньшим был бы срок давности административного взыскания. Во всяком случае, сближение или совпадение этих сроков как раз и приводит к тому, что вероятность удовлетворения гражданско - правовых исков оказывается весьма низкой. Поэтому как единственно возможный вариант в данном случае должно действовать общее правило, установленное статьей 38 Кодекса об административных правонарушениях.

В теории и практике юридической ответственности действуют нашедшие отражение и в законодательстве общие принципы применения основных и дополнительных наказаний, основанные на началах справедливости, соразмерности, индивидуализации ответственности, избирательного воздействия на виновного, экономии карательных мер, на жестком соотношении их тяжести в соответствии с общими положениями системы наказаний. Исходя из природы и сущности наказания, дополнительное наказание не может быть более тяжким, чем основное, и не может быть однородным ему, иначе нарушается принцип "non bis in idem". Кодекс об административных нарушениях (статья 25) не допускает применения дополнительного взыскания, если не применяется основное.

В Таможенном кодексе, в том числе в части второй статьи 247, все эти принципы оказываются нарушенными. Ни статья 247, ни другие его статьи вообще не регулируют разделение взысканий на основные и дополнительные. О нем можно только догадываться, но это усугубляет возможность произвольного их применения. Оспариваемое положение допускает одновременное применение различных видов взысканий независимо от того, являются ли они основными или дополнительными, а также применение дополнительного взыскания вместо основного. И это при том, что все они (за исключением штрафа, о котором здесь не упоминается) по сути являются неделимыми, а значит, не позволяют дифференцировать и индивидуализировать размер санкции, учесть смягчающие и снижающие степень вредности последствий обстоятельства, как это произошло, например, с ТОО "Эконт". Таким образом, положения статьи 247 противоречат принципу справедливости.

4. Не представляется возможным согласиться с прекращением дела в части, касающейся проверки конституционности части первой статьи 279 Таможенного кодекса по жалобе ТОО "Эконт".

Дело этого заявителя вообще представляет собой характерный пример сосредоточения всех указанных выше дефектов Таможенного кодекса и нарушения конституционных принципов в сфере юридической ответственности. ТОО "Эконт" поставило иностранному партнеру свою продукцию - меднопиритный концентрат, которая была задекларирована в соответствии с официальным актом экспертизы и сертификатом, выданным организацией Госстандарта. После получения товара иностранный покупатель самостоятельно обнаружил в нем повышенное по сравнению с сертификатом содержание золота и добровольно произвел соответствующую доплату в валюте по рыночным ценам, о чем ТОО "Эконт" сообщило таможенному органу, который и привлек его к ответственности за недостоверное декларирование товара по части первой статьи 279 Таможенного кодекса первоначально к штрафу, а после отмены штрафа по жалобе заявителя и ввиду истечения срока давности наложения штрафа - к взысканию стоимости товара, которая превышала первоначальный размер штрафа более чем в сто раз. Таким образом, заявитель при полном отсутствии его вины и за пределами срока давности был жестоко наказан за собственную добросовестность, притом что государство в этом случае не только не понесло убытки, но получило неожиданную прибыль. Трудно представить более вопиющее нарушение принципов права и извращение смысла юридической ответственности, которые формально допускаются оспариваемыми нормами. Как при этом можно утверждать, что права заявителя не были нарушены?

Оспариваемые заявителем по мотивам их несоразмерности санкции части 1 статьи 279 абсолютно совпадают с санкциями статьи 273, аргументация неконституционности которых рассмотрена выше в пункте 2 и которая полностью может быть отнесена к данному случаю.